

Ю.А. Булатов

ДИПЛОМАТИЯ И РАЗВЕДКА

«АФГАНСКОЕ ДОСЬЕ»

1939–1945 гг.

Юрий Булатов

**Дипломатия и разведка:
«афганское досье» 1939–1945 гг.**

«Прометей»

2021

УДК 355.40
ББК 63.3(2)62

Булатов Ю. А.

Дипломатия и разведка: «афганское досье» 1939–1945 гг. /
Ю. А. Булатов — «Прометей», 2021

ISBN 978-5-00172-204-5

В книге российского историка Булатова Ю.А. исследуется механизм взаимодействия институтов дипломатии и разведки СССР на афганском направлении в годы Второй мировой войны. В работе освещаются совместные мероприятия сотрудников НКВД СССР и легальной резидентуры НКГБ СССР в составе советского посольства в Афганистане по разоблачению агрессивных замыслов III рейха в регионе. Автор также описывает сотрудничество внешнеполитических ведомств и спецслужб СССР и Великобритании в целях пресечения происков фашистской Германии в Афганистане, анализирует «трудные вопросы» союзнических отношений, раскрывая особенности переговорного процесса стран антигитлеровской коалиции, в том числе договоренностей, достигнутых по афганской теме. Архивные материалы МИД РФ и рассекреченные документы внешней разведки РФ, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, позволили определить проведенное исследование как документальную повесть-хронику афганских событий 1939–1945 гг. Книга предназначена для специалистов-международников и востоковедов, а также для широкого круга читателей, интересующихся вопросами истории советской внешней политики, дипломатической службы и внешней разведки СССР. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 355.40
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-00172-204-5

© Булатов Ю. А., 2021

© Прометей, 2021

Содержание

Предисловие	7
Глава I	9
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Юрий Булатов

Дипломатия и разведка: «афганское досье» 1939–1945 гг.: Монография

Ветеранам дипломатической службы и внешней разведки России посвящается эта книга

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Рецензенты:

Лебедева О.В. – доктор исторических наук, профессор кафедры дипломатии МГИМО
МИД РФ;

Дружиловский С.Б. – к.и.н., профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД РФ.

© Булатов Ю.А., 2021

© Издательство «Прометей», 2021

Предисловие

Основной темой исследования в книге «Дипломатия и разведка: “афганское досье” 1939–1945 гг.» является механизм взаимодействия институтов дипломатии и разведки во внешней политике СССР на афганском направлении в годы Второй мировой войны. В монографии подробно освещается опыт совместной деятельности сотрудников НКВД СССР и легальной резидентуры НКГБ в составе советского посольства в Афганистане по разоблачению агрессивных замыслов Третьего рейха в регионе. Одновременно автор подробно рассматривает сотрудничество внешнеполитических ведомств и спецслужб СССР и Великобритании в их борьбе по пресечению происков фашистской Германии в Афганистане. Масштаб проведенного исследования и определяет его новизну.

На основе архивных материалов МИД РФ и рассекреченных документов внешней разведки РФ автор предпринял анализ правовой базы для советско-британских политических контактов и сотрудничества двух стран по линии разведки. Состоявшийся обмен мнениями между союзниками позволил определить афганский формат консультаций и совместных действий. Союзники провели совместные операции по нейтрализации агентов абвера в Афганистане. Однако «взлет» и «падение» союзных отношений напрямую зависели от обстановки на советско-германском фронте.

Документы советско-британского сотрудничества накануне открытия Второго фронта (июнь 1944 г.), имеющиеся в распоряжении автора, позволили сделать вывод, что на завершающем этапе Второй мировой войны партнерство союзников, как по линии разведки, так и по линии внешнеполитических ведомств трансформировалось из тайного соперничества в явное. Сбой в союзных отношениях в Афганистане не был случайностью и отражал общую картину взаимоотношений СССР и Великобритании на международной арене накануне краха Третьего рейха. В межсоюзнических отношениях нарастали противоречия геополитического и идеологического характера, причина которых заключалась в разности подходов к обеспечению безопасности и проблемам послевоенного устройства мира. Неизбежность перезагрузки союзнических отношений была очевидна.

Большой раздел книги «Дипломатия и разведка: “афганское досье” 1939–1945 гг.» посвящен развитию афганских реалий советско-американских отношений. Ведь еще до установления дипломатических отношений между США и Афганистаном (июнь 1942 г.) американская разведка обосновывала свое присутствие на афганском плацдарме необходимостью обсудить с союзниками общую платформу действий в регионе. Главной темой переговоров стали следующие вопросы: разработка запасных маршрутов доставки военного снаряжения по «афганскому коридору» из Британской Индии в СССР в соответствии с законом о ленд-лизе, а также обсуждение вопроса о возможном вводе в Афганистан союзных войск для охраны транзитных путей доставки грузов и стабилизации обстановки в Афганистане. Но на деле оказалось, что главной целью американцев являлось формирование проамериканского лобби в высших эшелонах власти Афганского королевства. После разгрома фашистской Германии предполагалось, что именно США должны были занять главенствующие позиции в новой большой игре мировых держав в Афганистане.

Особое внимание в книге уделено развитию советско-афганских отношений в годы Второй мировой войны. Автор не следует традиционным стереотипам в изложении истории советско-афганских отношений исключительно в духе добрососедства, как это требовалось ранее от любого исследования, посвященного проблемам Афганистана. В работе исследуются болевые точки в развитии двусторонних связей. Этот прием позволяет воссоздать объективную картину отношений между двумя странами при анализе событий Второй мировой войны.

В монографии профессора Ю.А. Булатова присутствуют элементы журналистского расследования. Специфика контактов сотрудников НКВД СССР и НКГБ СССР в Афганистане прослеживается на основе так называемого дела П. Кварони. Пьетро Кварони – бывший посол Италии в Афганистане (1936–1944), также являлся резидентом итальянской разведки. После свержения фашистского режима Б. Муссолини и признания союзниками Италии совместно воюющей стороной сотрудники посольства СССР в Кабуле установили контакты с итальянским дипломатом-разведчиком. Неожиданно П. Кварони назначается официальным представителем итальянского правительства в СССР, а затем и первым послом новой Италии в Советском Союзе (1944). Авторские комментарии к расследованию этой истории, возможно, покажутся кому-то спорными, но в любом случае налицо попытка вскрыть некоторые «белые» пятна при изучении темы «Дипломатия и разведка: “афганское досье” 1939–1945 гг.». На основе имеющихся в распоряжении автора документов и материалов, опубликованных как в России, так и за рубежом, перед читателем предстает история как семьи итальянского дипломата, так и контактов супружеской четы Кварони с советскими спецслужбами.

Книга Ю.А. Булатова «Дипломатия и разведка: “афганское досье” 1939–1945 гг.» представляет особый интерес для специалистов-востоковедов, исследователей современной истории Афганистана. Но одновременно монография насыщена очень интересными фактами, цитатами, выдержками из большого числа архивных материалов, ранее не представленных в научных работах и журнальных статьях.

Глава I

Советский Союз и поиски Третьего рейха в Афганистане 1939–1941 гг

Накануне Второй мировой войны агрессивные планы фашистской Германии на Ближнем и Среднем Востоке мало чем отличались от аналогичных проектов времен кайзера Вильгельма II. Как и прежде, одной из приоритетных задач являлось завоевание афганского плацдарма для развертывания наступательных операций в Центральной Азии.

Масштабное проникновение фашистской Германии в Афганистан началось сразу же после прихода Гитлера к власти в 1933 г. Интерес к изучению и освоению афганского рынка нацистское руководство проявило незамедлительно. Посольство СССР в Афганистане уже летом 1934 г. зафиксировало повышенную активность германской миссии в Кабуле в контактах с афганскими властями. В телеграмме советского полпредства в Кабуле в адрес НКВД СССР от 21 июня 1934 г. сообщалось, что при подготовке выставки промышленных товаров в Кабуле немецким фирмам был предоставлен режим наибольшего благоприятствования. В дирекции выставки, как указывалось далее в сообщении, положительно были рассмотрены заявки на участие в этой экспозиции 24 германских фирм. По сути дела, речь шла о проведении смотра технических достижений исключительно Германии, т. к. промышленные фирмы других иностранных государств на выставке были представлены весьма скромно: две итальянские, две японские, две бельгийские, три американские и одна английская¹.

Спустя два года Германия включила Афганистан в число стран, имевших особое политическое значение для Третьего рейха. Одновременно германское руководство предоставило афганскому правительству на льготных условиях кредит в размере 27 млн марок на оплату закупаемых промышленных товаров. С тем чтобы привлечь немецкие фирмы на афганский рынок, Берлин принял решение предоставить своим торговым предприятиям, экспортирующим в Афганистан промышленную продукцию, льготные гарантии, предусматривавшие в случае ущерба выплату компенсации до 92,5 % стоимости товаров. В общей сложности кредитные линии, предоставленные Афганистану фашистской Германией за весь период их двусторонних контактов, оценивались в 225 млн марок².

Благожелательная позиция афганского правительства по отношению к нацистскому режиму соответствовала внешнеполитической доктрине правящей династии Надиров во главе с королем М. Захир-шахом. По мнению афганского руководства, укреплять политическую независимость и экономическую самостоятельность государства необходимо было следующим путем: во-первых, сохранить относительное равновесие в своих отношениях с непосредственными соседями, т. е. с СССР и Британской Индией; во-вторых, всемерно расширять сотрудничество с экономически развитыми странами, которые не имели с Афганистаном общих границ и тем самым ни в коей мере не могли нарушить территориальную целостность независимого афганского государства. Таким образом, накануне Второй мировой войны нацистская Германия, фашистская Италия и милитаристская Япония относились к числу государств, с которыми, по мнению афганского руководства, развитие экономического сотрудничества было крайне необходимо.

В августе 1936 г. Афганистан и Иран посетила германская делегация с предложением организовать воздушную линию из Кабула через Тегеран – Стамбул в Германию. Срок пребывания немецких летчиков в Афганистане непомерно затянулся и составил почти три недели. За это время немецкие асы сумели организовать полеты над афганским плацдармом с обязательным посещением всех пограничных районов страны. Посол Афганистана в Иране Ахмед-хан,

сопровождая немецкую делегацию по маршруту Тегеран – Кабул – Тегеран, впоследствии поделился своими впечатлениями об этой поездке с советскими дипломатами в Иране. По словам Ахмед-хана, германские летчики побывали и на советской границе, которая, должно быть, их интересовала. Афганский дипломат также отметил, что в Кабуле он лично выразил премьер-министру Афганистана М. Хашим-хану свое удивление по поводу странной любознательности германских летчиков и заявил, что они злоупотребили афганским гостеприимством. По итогам визита немецких летчиков в Афганистан и Иран было сделано официальное сообщение, что в Берлине будут изучены результаты этого полета, который имел целью в предварительном порядке выяснить метеорологические условия по маршруту Тегеран – Кабул. После изучения итогов полета, как отмечалось в этом заявлении, Германия сделает предложение заинтересованным правительствам³. Советская резидентура в Кабуле спустя несколько месяцев информировала Центр, что уже в феврале 1937 г. на Гиндукуше появились два немецких метеоролога для определения высоты гор и замера воздушных течений⁴.

В 1938 г. были открыты регулярные авиарейсы немецкой авиакомпании «Люфтвафза» по маршруту Тегеран – Мешхед – Герат – Кабул. Эта трасса, по сути дела, стала тренировочным полигоном для большого числа немецких асов. По сообщению советского посла в Кабуле К.А. Михайлова в НКВД СССР от 4 сентября 1938 г., немцы стали систематически менять свои экипажи на самолетах, летающих по авиалинии Иран – Кабул, предоставляя возможность большему числу пилотов изучить трассу. Имели место также случаи появления новых экипажей немецких летчиков в Кабуле без какого-либо оформления афганских виз⁵. Афганское правительство на словах заявляло немцам о недопустимости подобного рода действий, но никаких мер реально не принимало.

Германская сторона в конечном итоге сумела обеспечить себе правовую основу для ведения воздушной разведки повсеместно на всем афганском плацдарме. В 1937 г. за счет германского капитала было создано Германо-афганское общество для разведки и эксплуатации недр Афганистана. Немцы, получив у афганской стороны право на полеты самолетов в целях поиска полезных ископаемых, начали проводить аэрофотосъемки афганского плацдарма. Согласно сообщениям советской резидентуры в Кабуле, немецкие специалисты составили подробный топографический план и «военно-стратегическое описание северных пограничных районов Афганистана с подробными заметками военного характера»⁶.

В этой связи посол СССР в Кабуле К.А. Михайлов в одной из бесед с министром просвещения Афганистана, двоюродным братом короля М. Захир-шаха М. Наим-ханом справедливо указывал, что поиск полезных ископаемых не исключает разведывательные работы германских специалистов на севере Афганистана, что спровоцирует разного рода антисоветские акции в полосе советско-афганской границы⁷. Следует также отметить, что для германских специалистов не было закрытых зон на территории Афганистана. В предвоенный период была даже организована немецкая экспедиция в Нуристан – район, традиционно закрытый для иностранцев как в прошлом, так и настоящем⁸.

Нарушения советской границы немецкими самолетами с этого времени становились регулярными, и их число неуклонно возрастало. В ноте полпредства СССР № 821 от 19 октября 1937 г. на имя министра иностранных дел Афганистана Файз Мухаммед-хана содержался, например, подробный разбор только восьми случаев такого рода нарушений государственной границы СССР, имевших место в течение только одной недели в конце сентября 1937 г.⁹

Однако афганская сторона не принимала соответствующих мер, и вопрос о полетах немецких самолетов близ границ СССР стал дежурной темой, обсуждавшейся советскими дипломатами в Кабуле со своими афганскими коллегами на всех уровнях. Например, поверенный в делах СССР в Афганистане С.И. Сычев в своей беседе от 15 января 1938 г. с начальником Общеполитического департамента Министерства иностранных дел Афганистана Наджи-

булла-ханом отмечал, что афганские власти, предоставив немцам право полетов со своей территории, оказались вынужденными отрицать нарушения немцами нашей границы, т. е. оказались уже жертвой немецкой провокации¹⁰.

После очередного нарушения немецкими самолетами советско-афганской границы полпред СССР в Афганистане К.А. Михайлов 21 сентября 1938 г. встретился с министром иностранных дел Афганистана Файз Мухаммед-ханом и напомнил ему, что в одной из недавних бесед афганский министр заявлял советской стороне следующее: «Если вы найдете в полетах немцев над Афганистаном, в их работе по исследованию афганских ископаемых что-либо анти-советское, заявляйте нам, и мы выбросим с нашей территории немцев, закроем авиалинию, ликвидируем договор о добыче ископаемых»¹¹. Советский посол также указал, что последние события являются конкретным фактом нарушения немцами своих прямых обязанностей перед независимым и дружественным СССР Афганистаном. «Сможет ли правительство суверенного Афганистана молча отнестись к такого рода поступкам немцев?.. – задавал вопрос полпред СССР и далее продолжал: – Немцы пытаются, наверное, объяснить свой злонамеренный полет на север Афганистана тем, что они сбились якобы с пути, но этот аргумент явно лживый, ибо нельзя сбиться с пути, летя из Герата в Кабул, поскольку по левую руку у вас всегда будет такой прекрасный ориентир, каким являются горы Гиндукуша. Нельзя “по ошибке” залететь вместо Кабула в Андхой»¹².

Следует также отметить, что в своих заявлениях о недопустимости подобной деятельности немцев на территории Афганистана советское посольство руководствовалось в первую очередь 2-й статьей Договора о нейтралитете и взаимном ненападении, заключенным между СССР и Афганистаном в 1931 г. В этом документе, в частности, отмечалось: «...Если линия поведения третьей державы или третьих держав по отношению к одной из договаривающихся сторон будет носить враждебный характер, другая договаривающаяся сторона обязуется не только не поддерживать такую линию поведения, но обязана на своей территории противодействовать ей и вытекающим из нее враждебным действиям и начинаниям»¹³.

Полпредство СССР в Афганистане внимательно отслеживало информацию о расширении контактов и связей афганской стороны с фашистской Германией и выражало крайнюю озабоченность по поводу происков держав Оси Рим – Берлин – Токио в полосе советско-афганской границы. Советский посол в Кабуле на этот счет неоднократно делал представления в адрес Министерства иностранных дел Афганистана по поводу антисоветской деятельности японцев в стране пребывания, о немецко-фашистской пропаганде в Кабуле и т. д.¹⁴

Советские ноты протеста в конечном итоге возымели свое действие. В мае 1938 г. в результате длительных переговоров посла СССР в Кабуле К.А. Михайлова с афганским премьер-министром М. Хашим-ханом и министром иностранных дел Файз Мухаммед-ханом было достигнуто устное «джентльменское» соглашение. Согласно договоренности, афганское правительство выражало готовность взять на себя следующие обязательства:

- 1) немцам разрешалась организация авиалинии Тегеран – Кабул, но было отказано от продолжения этой линии через северный Афганистан и афганский Вахан в Китай;
- 2) афганцами устанавливалась тридцатикилометровая пограничная полоса, не доступная иностранцам вообще;
- 3) афганцы брали на себя обязательство не допускать японских подданных на север Афганистана за исключением японского посланника;
- 4) странам, ведущим борьбу против СССР, запрещалось открывать консульства в Северном Афганистане, а их гражданам совершать туда туристические поездки¹⁵.

Весной 1939 г. афганская сторона попыталась отыграть назад и скорректировать устные договоренности «джентльменского» соглашения. Афганское правительство предложило следующие уточнения:

1) в тридцатикилометровой пограничной зоне иностранцам запрещалось предоставление концессий, но туда могут выезжать иностранцы;

2) афганцы брали на себя обязательство не допускать японских подданных на север Афганистана за исключением японского посланника и специалистов, принятых на афганскую службу;

3) пункт о запрещении открытия на севере Афганистана консульств враждебных СССР государств конкретизировали перечнем стран: Германия, Япония и Италия¹⁶.

Эти уточнения «джентльменского» соглашения, предложенные афганской стороной, были решительно отвергнуты НКВД СССР.

Определенное давление на правительство СССР с целью отмены советско-афганской «джентльменской» договоренности пыталось осуществить и руководство фашистской Германии. 7 декабря 1939 г. германское посольство в Москве направило в НКВД СССР памятную записку. В этом документе отмечалось следующее: «Германо-афганское Рудниковое Общество, принадлежащее наполовину германским гражданам, имеет концессию для добычи в Афганистане золота и других драгоценных металлов. На основании выраженных в свое время Правительством СССР пожеланий германские граждане не имеют права работать на территории Афганистана, отстоящей от советской границы менее чем на 30 километров. Это ограничение является для концессии крайне обременительным, т. к. именно на северо-востоке Афганистана, на реке Аму-Дарья и ее притоках, имеются особенно богатые залежи золота. Будучи заинтересованным в преуспевании концессии, германское правительство было бы признательно Правительству СССР за согласие с отменой вышеупомянутого ограничения»¹⁷. Эти усилия нацистов оказались тщетными, немецкие специалисты не были допущены к работе в тридцатикилометровой полосе советско-афганской границы.

В свою очередь, советский посол представил афганскому правительству предложения о возможном советско-афганском сотрудничестве по совместному поиску и добыче полезных ископаемых в пограничной тридцатикилометровой зоне. Советские предложения были отклонены. И представитель афганского правительства заявил, что никто, кроме афганцев, не будет разведывать золото на пограничных участках в тридцатикилометровой зоне¹⁸.

Вместе с тем следует отметить, что позиция афганских официальных лиц в деле соблюдения «джентльменской» договоренности оказалась не столь твердой. Полпред СССР в Афганистане К.А. Михайлов в беседе с министром иностранных дел Али Мухаммед-ханом от 1 февраля 1941 г. представил перечень нарушений «джентльменского» соглашения. Согласно этому списку, начиная с 1939 г. пограничные районы на севере Афганистана посетили: английская археологическая экспедиция, индийские купцы, немецкие туристы, японские литераторы и т. д. К.А. Михайлов также обратил внимание афганского министра на то, что некоторые посланники, аккредитованные при афганском правительстве, совершают поездки по стране, имея при себе свыше десятка сотрудников и специалистов различного профиля¹⁹. Север Афганистана накануне и в первые годы Второй мировой войны стал представлять собой, по сути дела, место для «паломничества» иностранных визитеров, стремившихся всеми правдами и неправдами посетить пограничные с СССР районы.

Рекогносцировка афганского плацдарма, проведенная германской стороной, определила очередность возведения стратегических объектов на территории Афганистана: сооружение аэродромов, мостов, шоссейных дорог, строительство электростанций, заводов и т. д. Успешному решению поставленных задач послужило «Административное соглашение об отправке в Афганистан германских инженеров», подписанное 18 октября 1937 г. министром экономики Афганистана Абдул Меджидом и генеральным инспектором германского дорожного строительства Ф. Тодтом. Как было официально объявлено, целью соглашения между двумя странами являлось оказание консультативной и технической помощи Афганистану в вопросах

гражданского и дорожного строительства. Первостепенное внимание в вышеназванном документе было уделено строительству дорог от границ СССР вглубь страны: Термез – Мазар-и-Шериф – Пули-Хумри – Кабул. Незадолго до Второй мировой войны организация Тодта приступила к ремонту и прокладке новых дорог от центральных районов страны в сторону Северо-Западной пограничной провинции Британской Индии. Было проведено забетонированное шоссе от Чамана до Кандагара, вблизи Герата был также построен железобетонный мост через реку Гильменд и т. д.

Согласно донесениям советской резидентуры в Кабуле, в конце 1939 г. афганское правительство приняло решение построить аэродромы в Газни, Гардесе, Герате, Мазар-и-Шерифе, расширить аэродромы в Кабуле, Джелалабаде, Мазар-и-Шерифе и Кандагаре²⁰. При содействии немецких специалистов было реализовано несколько проектов по реконструкции и строительству ряда стратегических объектов, самые затратные из которых были аэродромы в Кабуле и Герате с установкой мощных по меркам того времени радиостанций с радиусом покрытия пограничных районов Афганистана и сопредельных территорий Советского Союза и Британской Индии. Вместе с тем следует отметить, что афганское правительство в отношениях с немцами предпринимало определенные меры предосторожности, разрешив им создание взлетно-посадочных полос для приема тяжелых транспортных самолетов только в Герате. Аналогичное строительство в столичном аэропорту Кабула было запрещено.

Планы германо-афганского сотрудничества предусматривали и развертывание железнодорожного строительства. Как отмечалось в телеграмме полпредства СССР в Афганистане от 13 августа 1939 г. в адрес НКВД СССР, агентурным путем удалось получить копию вербальной ноты германской миссии в Кабуле № 626 от 27 июля 1939 г., согласно которой был установлен факт афгано-германского договора о планах строительства железной дороги Чаман – Герат²¹. Таким образом, аэродромы и вся транспортная сеть в Афганистане оказались под полным контролем немцев. По сути дела, был составлен черновой набросок для проведения десантных операций с последующим продвижением вермахта на афганском плацдарме. Необходим был всего лишь один завершающий штрих – установление прямой радиотелеграфной связи между Кабулом и Берлином, что и было сделано. 26 января 1939 г. афганский министр почт и телеграфа Рахимтулла-хан в ходе беседы с послом СССР в Афганистане К.А. Михайловым сообщил, что в связи с постройкой англичанами мощной радиостанции в Кабуле афганцы хотят установить непосредственную радиотелеграфную связь со столицами некоторых государств, в том числе и с Москвой. Он также проинформировал советского посла, что с Берлином и Токио они уже установили непосредственный канал связи. По признанию министра, по этой прямой связи идет большим потоком прием и отправка телеграмм и сообщений²².

Руководство фашистской Германии стремилось накрепко привязать к себе Афганистан накануне Второй мировой войны. В этой связи большое внимание нацисты уделяли строительству вооруженных сил Афганистана и формированию структур местной службы безопасности с учетом прогерманской ориентации. Следует отметить, что боеспособность афганских армейских подразделений оставляла желать лучшего. В докладе «Внутренняя и внешняя политика Афганистана в 1939 г. и первой половине 1940 г.» полпредство СССР в Кабуле свидетельствовало: «Афганская армия не является прочной опорой государства. Армия стоит на низком уровне снаряжения и обученности, отражая отсталый характер производительных сил и общественных отношений современного Афганистана»²³.

В ноябре 1936 г. в рамках программы развития немецко-афганского сотрудничества был подписан секретный протокол о предоставлении Афганистану военной помощи на сумму 15 млн марок. В соответствии с этим протоколом германская сторона брала на себя обязательство поставить Кабулу необходимое вооружение и технику, а также оказать помощь в создании и вооружении «показательной афганской дивизии по германскому образцу». В Афганистан

была направлена группа инспекторов германского вермахта, которые были прикомандированы как к генеральному штабу вооруженных сил Афганистана, так и к окружным штабам афганской армии. Сотрудник абвера (II отдел – иностранные армии) майор В. Шенк был назначен главным военным советником Германии в афганской армии. Он лично возглавил в Кабуле офицерские курсы по подготовке командного состава вооруженных сил Афганистана, одновременно выполняя также обязанности германского военного атташе²⁴. Под его непосредственным руководством за период с 1936 по 1941 гг. подготовку и переподготовку прошло около 500 афганских офицеров. Это немалая цифра, если учитывать, что офицерский корпус в Афганистане в предвоенные годы насчитывал около 3 тыс. военнослужащих²⁵. Свою лепту в развитие германо-афганского военного сотрудничества внесло также и ведомство Г. Гиммлера. По договоренности с Кабулом в Афганистан была направлена группа специалистов СС для оказания помощи королевскому режиму в реорганизации органов государственной безопасности и создании частей внутренней охраны.

Подготовка военных кадров из числа афганской молодежи осуществлялась и в учебных центрах и училищах вермахта непосредственно в Третьем рейхе. Кабульские власти регулярно направляли группы афганских учащихся в Германию для обучения военному делу. Правящий режим в Афганистане стремился поддерживать среди молодого поколения высокую мотивацию получения немецких дипломов, свидетельствовавших о присуждении классных званий военных специалистов. Например, на страницах газеты «Ислах» от 14 мая 1940 г. был опубликован список афганских учащихся, прошедших обучение в Германии и получивших профессию военных техников-артиллеристов. В напечатанной информации особо подчеркивалось, что эти афганские выпускники немецких училищ по прибытию в Кабул удостоились чести быть принятыми военным министром²⁶.

Сотрудничество в области вооружений между Афганистаном и фашистской Германией продолжало набирать обороты. В телеграмме советского посла в Афганистане от 8 января 1939 г. в адрес НКВД СССР сообщалось, что «англичане сообщили нашему военному атташе о предоставлении Германией военного кредита афганцам в размере 1 млн английских фунтов на 8 лет с покрытием 50 % наличными, остальное сырьем»²⁷. По данным советской резидентуры в Афганистане, в январе 1941 г. немцы предоставили дополнительно афганским властям целевой кредит в размере 10 млн марок на закупку военной техники, а также гарантировали продажу афганцам по льготным ценам легкого и тяжелого стрелкового вооружения еще на 10 млн марок²⁸. Афганский рынок военной техники и вооружения оказался, по сути дела, под полным контролем Германии. Но Германия оказалась не в состоянии в согласованном объеме поставлять вооружение в Афганистан, поскольку советское правительство, предоставившее Германии транзит товаров через свою территорию, отказало в транзите вооружений.

Засилье немецких советников и инструкторов в различных военных и гражданских ведомствах в Афганистане привело к тому, что германские специалисты обладали исключительно большими возможностями по сбору всякого рода информации. Эта универсальная осведомленность немцев о положении дел в Афганистане представляла собой мощный рычаг воздействия на правящую элиту и одновременно являлась средством распространения влияния немцев на самые различные слои населения. Советская резидентура в Кабуле в своих донесениях отмечала, что в массовом сознании афганцев создавался образ немца, принципиально отличный от любых других иностранцев, проживавших в Афганистане. «В самом деле, – говорилось в одном из этих документов, – как могут афганские чиновники скрывать что-нибудь от немца, когда они и без того все знают, нередко больше самих афганцев. Что может быть зазорного в том, что какого-нибудь афганского чиновника увидят вместе с немцем на улице или афганец зайдет на квартиру к нему? Это считалось вполне допустимым, тогда как ни один афганский чиновник не решится показаться на улице в обществе советского гражданина...

Установка немцев была, очевидно, такова, чтобы всякое соприкосновение с немцами приносило выгоды афганцам, и эта установка проводилась неукоснительно и методично»²⁹.

Как отмечалось в отчете полпредства в Афганистане за 1941 – начало 1942 г., немцы подкупали любящих взятки афганских министров и чиновников. Они бросали гроши афганской бедноте, но всегда с условием: говори всем, что немцы – друзья афганцев. Практика свидетельствовала о том, что немецкие специалисты, работавшие на афганских предприятиях, «отчисляли» из своего жалования, получаемого из афганской казны, 5—10 % в пользу того или иного министра или руководителя предприятия. А подкупаемые афганцы добивались увеличения окладов немецким специалистам. В своих финансовых сделках с афганцами немцы отчисляли процент в пользу афганца, подписавшего выгодный немцам контракт. Путем такой «щедрости» в Афганистане среди верхушки и частично средних афганских слоев о немцах также шла «слава» как о «добрых» афганских друзьях³⁰. В рассматриваемый период советской разведке в Афганистане стало ясно, что «указанными способами фашисты добились охвата чуть ли не поголовно всей афганской технической молодежи своим влиянием».

Для обработки подрастающего поколения был использован столичный лицей «Неджат», где насчитывалось около тысячи учащихся. Отличие этого учебного заведения от других школ заключалось в том, что преподавание всех предметов начиная с 6 класса проводилось на немецком языке. Немецкий язык и все предметы, кроме истории и «закона божьего», преподавали до конца 1941 г. исключительно немецкие педагоги. Выпускники этого лицея имели право поступать в высшие учебные заведения фашистской Германии без каких-либо экзаменов.

Руководство фашистской Германии стремилось завязать тесные личные отношения с представителями элиты афганского общества. Выбор пал в первую очередь на председателя Афганского национального банка, министра экономики Афганистана Абдул Меджида. Выбор в пользу именно этого влиятельного промышленника и представителя афганской элиты обуславливался следующим: во-первых, немцы учитывали антисоветскую направленность А. Меджида, сидевшего в 1924–1925 гг. в Бутырской тюрьме в Москве за спекуляцию и обман советских органов³¹; во-вторых, по линии жены он был связан родственными узами с немцами – родная сестра его жены была замужем за немцем³².

Вот почему на этапе становления и развития отношений Афганистана с фашистским режимом Германии именно А. Меджид как председатель Афганнацбанка был приглашен принять участие в работе фашистского съезда в Нюрнберге в 1937 г. В сообщении советского посла К.А. Михайлова от 20 сентября 1937 г. на этот счет отмечалось, что А. Меджид прибыл в Германию по личному приглашению фюрера. Министр экономики, а также командующий ВВС Афганистана были приняты А. Гитлером. В состоявшейся беседе немецкий фюрер «выразил большое удовлетворение, что воздушная связь Германии с Кабулом будет новым элементом прогресса культуры и экономики обеих стран»³³.

В последующие два года состоялись встречи А. Гитлера с представителями правящей династии Надиров в Афганистане: в 1938 г. – с премьер-министром Афганистана М. Хашим-ханом – родным дядей короля М. Захир-шаха, в 1939 г. – с послом Афганистана во Франции Шах-Вали-ханом, которому афганский король также доводился родным племянником³⁴. Однако нацисты остановили свой выбор на министре экономики Афганистана А. Меджиде как ключевой фигуре среди растущей группировки германофилов в высших эшелонах власти Афганистана. Нацисты не ошиблись. Именно А. Меджид заключил с немецкими банками, а также с правительственными учреждениями ряд договоров, которые заложили фундамент германо-афганского сотрудничества.

С января 1941 г. и вплоть до окончания Второй мировой войны министр экономики Афганистана находился в Германии, являясь, по сути дела, «специальным представителем» королевства Афганистана в ставке А. Гитлера. Он обеспечивал оперативную связь нацистской

верхушки с кабульскими властями. В сопровождении немецких бонз А. Меджид в составе инспекционных групп неоднократно выезжал на Западный фронт. По итогам этих поездок он информировал афганское руководство о действительном положении на европейском театре военных действий.

При участии немецких агентов, состоявших на афганской службе, а также при посредничестве Абдул Меджида в государственных структурах власти Афганистана были созданы влиятельные германофильские группировки из явных и скрытых пособников нацистов. В Военном министерстве в состав этой группы входили командующий Центральным военным округом двоюродный брат короля М. Захир-шаха – М. Дауд-хан и его заместитель Мухаммед Ариф-хан, начальник штаба вооруженных сил страны Мустафа-хан, руководитель его оперативного отдела Саратуддин-хан, начальник управления разведки при Военном министерстве Мухаммед Анвар-хан, командир кавалерийской бригады Султан Ахмед-хан и т. д.³⁵

Германофилы в гражданском секторе государственной власти группировались не только в Министерстве экономики и в структурах Афганнацбанка. Опорными пунктами германофилов стали также следующие правительственные учреждения в Афганистане: Министерство иностранных дел, Министерство общественных работ, Министерство здравоохранения, Министерство просвещения, Министерство почт и телеграфа и т. д. Явной прогерманской ориентации придерживались начальник Общеполитического департамента МИД Афганистана Наджибулла-хан, министр почт и телеграфа Рахимтулла, министр здравоохранения Яхья-хан, бывший афганский посол в Москве Абдул Гусейн-хан, высланный по представлению НКВД СССР из страны в 1938 г. за антисоветскую деятельность³⁶.

«Проба пера» для сторонников фашистской Германии в Афганистане была назначена на август 1939 г., т. е. в канун начала Второй мировой войны. Планируя открыть фронт военных действий против англичан на Западе, фашистское руководство, естественно, готовилось предпринять меры к дестабилизации обстановки и на Востоке против Британской Индии. Посол СССР в Афганистане К.А. Михайлов в срочной шифротелеграмме на имя наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова докладывал: «По сведениям, добытым стороной, в Кабуле обнаружена фашистская группа, созданная немцами: доктором Фишером и инструктором высших офицерских курсов майором Шенком. Группу возглавляет министр просвещения М. Наим-хан... Военный министр раскрыл эту оппозиционную правительству группу и сообщил об этом премьеру. Наим-хан в результате нервного потрясения сильно заболел»³⁷. Выступление германофилов не состоялось.

Во второй половине августа 1939 г. советская резидентура в Кабуле информировала Центр, что в беседе с премьер-министром М. Хашим-ханом М. Наим-хан отрицал наличие фашистской группировки в составе афганского правительства, однако признавал существование небольшой организации афганских национал-патриотов. Эта организация, по словам министра просвещения, якобы боролась за усиление темпов всестороннего развития Афганистана с целью ослабления иностранного влияния. М. Наим-хан подчеркивал, что организация намерена только помогать правительству, не являясь ему враждебной силой. Никаких репрессий к этой группировке премьер не предпринял³⁸. Более того, интересы правящей династии Надиров в условиях начавшейся Второй мировой войны требовали консолидации и единства действий всех сил правящей элиты, в том числе и германофилов. По согласованию с королем М. Захир-шахом глава афганского правительства М. Хашим-хан в сентябре 1939 г. назначил своего племянника – министра просвещения М. Наим-хана – заместителем премьер-министра. Раскол в высшем эшелоне власти был предотвращен.

Информация о происках немецких спецслужб в Афганистане накануне Второй мировой войны вскоре просочилась на страницы иностранных газет. Например, газета «Стейтсмен» от 1 февраля 1941 г. сообщала: «Немецкие, итальянские и японские агенты проявили

особую активность в Афганистане за несколько месяцев перед началом войны (Второй мировой войны. – *Прим. Ю.Б.*). Представители афганского правительства приняли к сведению тот факт, что их страна была использована в качестве базы для пропаганды в полосе племен. За всеми иностранцами требуется установить строгий надзор. Все они находятся на государственной службе, и в их договорах предусмотрено, что проявление политической активности будет караться по всем строгостям законов страны. Однако в течение 3-х недель с момента возникновения войны был вскрыт конспиративный заговор, инспирированный иностранными силами...»³⁹.

В связи с началом Второй мировой войны король Афганистана М. Захир-шах официально объявил о нейтралитете своей страны. На страницах газеты «Ислах» от 7 сентября 1939 г. был опубликован королевский указ. В этом документе, в частности, говорилось следующее: «Наше королевское правительство, будучи всегда сторонником мира, во всех случаях желало мира и спокойствия. В настоящее время, когда, к сожалению, началась война на европейском материке, мы пожелали, чтобы наше королевское правительство продолжало в дальнейшем соблюдать мир и спокойствие и нейтралитет. Поэтому я объявляю о нейтралитете Афганистана в нынешней войне и прошу у всевышнего прекращения войны, разрушающей культуру и нарушающей спокойствие человечества.»⁴⁰.

Провозгласив нейтралитет, афганские власти в своих официальных заявлениях по поводу начавшейся войны старались даже не упоминать конкретно воюющие стороны, дабы не быть обвиненными в своих симпатиях в пользу Германии или Великобритании. Чудеса изворотливости на этот счет демонстрировал, например, Файз Мухаммед – посол Афганистана в Турции (до 1938 г. министр иностранных дел. – *Прим. Ю.Б.*). В беседе с редактором газеты «Ислах», напечатанной в афганской прессе 9 марта 1940 г., Файз Мухаммеда спросили, на чьей стороне, по его мнению, будет победа во Второй мировой войне. Он ответил следующее: «Я склонен считать победу за той стороной, которая является сторонником справедливости и независимости народов мира и свое благополучие ищет в благополучии мира, в противном случае победитель и побежденный ничего не увидят кроме бедствия и затруднений»⁴¹.

Афганский нейтралитет в некоторой степени спутал карты нацистов, стремившихся перетянуть Кабул на свою сторону. В этой связи приоритетной задачей Третьего рейха на афганском плацдарме стала разработка плана государственного переворота в Афганистане с целью свержения правительства М. Хашим-хана и формирования нового правительства, готового вместе с германской военщиной вступить в борьбу против Англии на Востоке. Этот план в Берлине получил кодовое название «Аманулла». Его суть заключалась в том, чтобы, объединив усилия афганских германофилов в высших эшелонах власти со сторонниками бывшего эмира Афганистана Амануллы, осуществить государственный переворот при участии внешних сил – спецподразделений фашистского вермахта.

Неожиданное оживление в среде афганской эмиграции в Европе и, в первую очередь, среди аманулли-стов также привлекло внимание советского руководства. 19 сентября 1939 г. в адрес посла СССР в Риме из центрального аппарата НКВД СССР ушла телеграмма следующего содержания: «По имеющимся у нас сведениям, требующим проверки, находящийся в изгнании бывший падишах Афганистана Аманулла и его сторонники в связи с происходящими в настоящее время событиями в Европе начинают проявлять политическую активность. С соблюдением должной осторожности подробно выясните и соберите необходимые сведения, в чем конкретно проявляется эта деятельность Амануллы и его сторонников, кто его окружает, с кем он поддерживает связь и их характер...»¹² Вскоре советской стороне стало ясно, что инициатива вернуть Аманулла-хана из политического небытия принадлежала именно немцам.

Разработка операции «Аманулла» велась параллельно двумя германскими ведомствами – Министерством иностранных дел во главе с И. Риббентропом и военной разведкой (абвер II

– иностранные армии) во главе с адмиралом Ф. Канарисом. После подписания в августе-сентябре 1939 г. Пакта о ненападении и Договора о дружбе и границе между СССР и гитлеровской Германией руководство Третьего рейха дало поручение своему внешнеполитическому ведомству попытаться привлечь Советский Союз к реализации плана «Аманулла». По замыслу немцев, СССР должен был предоставить им плацдарм в Туркестане для дислокации бригады СС и горной дивизии вермахта с целью их последующего десантирования в Афганистане. В своих расчетах нацисты, по-видимому, уповали на то, что И.В. Сталин в конце 20-х гг. пытался уже оказать поддержку Аманулле-хану в его борьбе с религиозными фанатиками. Большевистский лидер даже направил в Кабул специальный корпус под командованием В. Примакова, но эта помощь оказалась запоздалой. К тому времени Аманулла был уже свергнут и эмигрировал в Италию, а советские войска вернулись в Туркестан.

Осенью 1939 г. афганская тема неоднократно становилась предметом разговора немецкого посла в Москве Ф. Шуленбурга и главы внешнеполитического ведомства СССР В.М. Молотова, причем инициатива неизменно исходила от германского дипломата. 2 ноября 1939 г. Ф. Шуленбург перед своим отъездом в Берлин в беседе с В.М. Молотовым лишь высказал свою заинтересованность в постановке афганской темы и ее обсуждении. 13 ноября 1939 г. Ф. Шуленбург, вскоре вернувшись из Берлина, вновь посетил советского наркома по иностранным делам. Во время переговоров посол заявил, что германское правительство с целью быстрого окончания войны хочет «сделать сильный нажим на Англию». Поэтому оно просит правительство СССР «послать в Афганистан Аманулла и его людей для нажима на англичан».

17 ноября 1939 г. Ф. Шуленбург в ходе встречи с В.М. Молотовым вновь инициировал постановку вопроса о «транзите» Аманулла и его людей в Афганистан через советскую территорию. Однако афганская тема не получила своего развития, ибо немецкий посол затруднился ответить на прямой вопрос наркома СССР, в чем конкретно должно выразиться содействие советских властей Аманулле⁴³. Спустя ровно месяц, 17 декабря 1939 г., Ф. Шуленбург проинформировал о наличии у германской стороны планов государственного переворота в Афганистане. Более того, в Москву для ведения переговоров с В.М. Молотовым по афганскому вопросу прибыл П. Клейст – сотрудник Внешнеполитического бюро НСДАП, возглавляемого И. Риббентропом.

Архивы внешней политики СССР по данному вопросу все еще остаются закрытыми. В многотомном собрании документов внешней политики СССР за 1940/41 гг. лишь в примечании к XXIII тому архивных материалов дается краткая информация на этот счет. Скупые строки, набранные петитом, подтверждают, что в декабре 1939 г. в Москве находился П. Клейст – специальный представитель И. Риббентропа, уполномоченный обсуждать разрабатывавшиеся планы германской стороны по изменению режима в Афганистане⁴⁴. Эта встреча П. Клейста с советским наркомом была первой и последней. Тот факт, что состоялась лишь одна встреча В.М. Молотова с представителем И. Риббентропа, явно свидетельствовал о том, что эти переговоры не увенчались успехом. В феврале 1940 г. П. Клейст в ходе своего визита в Москву вновь обратился в НКВД СССР за содействием в получении новой аудиенции у В.М. Молотова, но ему было отказано. Афганская тема в нацистском варианте никак не могла устроить советских руководителей и была закрыта. 28 декабря 1939 г. резидент советской внешней разведки в Берлине А. Кобулов также получил приказ из Москвы прекратить все контакты с амануллистами в Европе.

По данным советской разведки нацистское руководство не стремилось напрямую установить контакт с Аманулло-ханом. Берлин считал вполне достаточным поддерживать неформальные отношения с афганским эмиром в изгнании через его бывшего министра иностранных дел Гулям Сиддик-хана, находившегося в контакте с немецкими спецслужбами. Для немцев в их многоходовой комбинации на афганской шахматной доске Аманулла-хан представлял собой номинальную политическую фигуру. Нацисты в первую очередь стремились в пропагандист-

ском плане «раскрутить» образ Амануллы-хана как афганского лидера, победившего англичан в ходе третьей англо-афганской войны в начале XX в. Это было особенно важно для Берлина в условиях растущего противоборства Германии и Англии на фронтах Второй мировой войны. Таким образом, курьезным выглядит тот факт, что разработка германскими спецслужбами плана по свержению династии Надиров в Афганистане первоначально проходила без какого-либо участия этого бывшего афганского лидера, хотя его именем и нарекли этот проект абвера. Роль Амануллы по сути дела была сведена лишь к пропагандистскому обеспечению замысла нацистов.

5 марта 1940 г. посол Германии в СССР Ф. Шуленбург дезавуировал все предложения немецкой стороны по поводу плана «Аманулла». В документах МИД СССР за 1940 г. отмечается, что в ходе этой встречи Ф. Шуленбург информировал В.М. Молотова о том, что «план касательно... Афганистана, с которым приезжал в Москву г-н Клейст и который самому послу казался фантастичным, не исходил от фюрера и от И. фон Риббентропа. Поэтому вопрос о “транзите” Амануллы снимается совсем»⁴⁵.

Вместе с тем в ходе переговоров советской делегации во главе с В.М. Молотовым с руководителями Третьего рейха в ноябре 1940 г. в Берлине афганский вопрос в завуалированной форме был поднят вновь. Нацисты пытались навязать советской стороне обсуждение темы о разграничении сфер влияния в мировом масштабе с тем, чтобы выяснить позицию СССР, в том числе и в отношении Афганистана. Советская делегация не только не проявила интерес к планам нацистов в Азии и Африке, но и ответила категорическим отказом обсуждать что-либо подобное⁴⁶. По указанию Москвы кабульская резидентура полпредства СССР сумела довести до сведения афганской стороны немецкий план 1940 г., ставивший целью свержение правительства М. Хашим-хана. Однако никакой ответной реакции не последовало⁴⁷.

Ведомство И. Риббентропа, потерпев провал в организации секретных переговоров с Москвой по афганскому вопросу, всячески стремилось дискредитировать советское руководство в глазах кабульских властей. Нацисты пытались представить попытки амануллистов выйти на контакт с посольствами СССР в европейских столицах как некий сговор Советского Союза с афганской оппозицией с целью свержения короля М. Захир-шаха. Такого рода дезинформация, изготовленная в недрах внешнеполитического ведомства Германии, была рассчитана для потребления исключительно афганской стороной.

Афганские власти в конечном итоге клюнули на эту приманку. Подтверждением тому явилась беседа наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с послом королевства Афганистан в СССР Султан Али-ханом от 23 марта 1940 г. Афганский посол заявил советскому наркому, что согласно телеграмме, полученной от афганского правительства, бывший министр иностранных дел Гулям Сиддик-хан организует через Советский Союз и Германию интриги против Афганистана. Ввиду того, что афганское правительство, как сообщил посол, получило эти сведения из достоверных источников, посол просил Молотова проинформировать его по этому вопросу. В.М. Молотов ответил, что высказанное послом сообщение является явной выдумкой. По его словам, советское правительство не интересуется Гулям Сиддик-ханом и не имеет с ним никаких отношений. В свою очередь В.М. Молотов посоветовал послу «не слушать этих информаций, а лучше посмотреть, кто снабжает афганское правительство такими сведениями»⁴⁸.

Как и ожидалось, источником распространения слухов о попытках некоторых иностранных государств оказать содействие возвращению Амануллы-хана на афганский престол являлось посольство Германии в Кабуле. Советский полпред К.А. Михайлов в телеграмме от 28 июня 1940 г. сообщил в Москву: «По сведениям, добытым стороною, немецкий посол Г. Пильгер в беседе с премьер-министром М. Хашим-ханом. провокационно заявлял, что якобы СССР совместно с Италией готовит восстановление режима Амануллы»⁴⁹.

Таким образом, роль ведомства И. Риббентропа в деле разработки плана «Аманулла» свелась к тому, чтобы направить афганские власти по ложному следу. Афганская тема, поднятая в Москве в ходе встреч Ф. Шуленбурга и П. Клейста с В.М. Молотовым, по сути дела, обеспечивала внешнее прикрытие для плана «Аманулла». На деле эта операция разрабатывалась военной разведкой нацистской Германии. Во главу угла ставилась задача консолидации всех оппозиционных сил и в первую очередь амануллистов и других противников правящего режима под руководством германофилов в высших эшелонах власти в Афганистане.

Успеху фашистской пропаганды в Афганистане на первоначальном этапе Второй мировой войны способствовали победы немецко-фашистских войск на Западном фронте. В связи с систематическими поражениями англо-французских войск в войне с немцами, как отмечал полпред СССР К.А. Михайлов в своем донесении от 30 мая 1940 г., среди афганских правящих кругов все более растет тревога за судьбу Англии, с которой афганское правительство связывает и свою судьбу. Афганские народные массы и некоторая буржуазная молодежь, напротив, высказывают свою радость по поводу поражения Англии – исконного врага афганского народа⁵⁰.

Агентурная сеть немецких осведомителей из числа афганцев не только эффективно действовала среди правящей элиты, но и получила своих информаторов в рассматриваемый период среди разночинцев: студенчества, представителей интеллигенции и мелкобуржуазных слоев городского населения Афганистана. Вербовку сторонников из числа афганских разночинцев немецкие агенты осуществляли почти наверняка с учетом двух факторов: прохождение обучения молодых афганцев в Германии и их женитьба на гражданках Третьего рейха. Именно таким образом был завербован А.Г. Брешна – директор Кабульской типографии, известный как властям Германии, так и СССР. В прошлом он также неоднократно посещал Советский Союз и даже работал художником-консультантом на фильме известного советского режиссера В. Пудовкина «Потомок Чингисхана». Агентом немецкой разведки стал и известный в Кабуле врач Низаммудин, получивший квалификацию хирурга в Германии и женившийся там на немке, и т. д. В справке советской резидентуры «Немцы в Кабуле» за январь 1942 г. приводится подробный перечень лиц из числа чиновников и государственных служащих, работавших на фашистскую Германию⁵¹.

По сообщениям советской разведки в Афганистане, для массовой агитации населения использовалось прежде всего радио. Радиопередачи из Берлина на персидском языке слушали чуть ли не все, имевшие приемники. Берлинское радио являлось первоисточником распространения в Афганистане профашистских слухов и нацистской пропаганды. Большую роль в деле агитации играло мусульманское духовенство. Лейтмотивы исламских проповедников в основном были чрезвычайно просты и безусловно подсказаны непосредственно фашистами. Они заключались в следующих лозунгах: «Гитлер – покровитель ислама, Германия борется за торжество ислама и против врагов ислама – Англии и Советского Союза. Большевики – безбожники и враги ислама»⁵². Таким образом, в рамках плана «Аманулла» абвер успешно решал свои задачи по обработке городских слоев населения Афганистана с прицелом на осуществление в ближайшей перспективе государственного переворота в стране.

После начала Второй мировой войны сценарии дальнейшего развития событий в Афганистане разрабатывались не только немецкой военной разведкой. Афганская тема стала предметом изучения специалистами Генерального штаба вооруженных сил фашистской Германии. Это было обусловлено принятием руководством Третьего рейха политического решения об использовании афганского плацдарма для похода на Индию. 18 декабря 1939 г. А. Розенберг направил А. Гитлеру меморандум, в котором предложил использовать Афганистан в случае необходимости против Британской Индии или Советской России⁵³. Примечательно, что всего лишь несколько лет назад тот же А. Розенберг категорически возражал против расширения

контактов и связей с Афганистаном на том основании, что эта страна якобы не представляет политического интереса для Германии⁵⁴.

Начало военным приготовлениям в отношении Афганистана было положено в феврале 1941 г. По приказу Гитлера в состав войск, привлекавшихся к участию в операции «Барбаросса», была введена «Оперативная группа “Афганистан”». Начальник Генерального штаба генерал-полковник Ф. Гальдер своей директивой № 124/41 утвердил численность этой военной группировки, состоявшей из 3 танковых, 4 моторизированных, 6 горных и 4 пехотных дивизий. 11 июня 1941 г. для офицеров Главного командования сухопутных войск (ОКХ) и Верховного главнокомандования вооруженных сил Третьего рейха (ОКВ) была разработана Директива № 32 – о продвижении вермахта через Кавказ на Ближний Восток и далее в Афганистан и Британскую Индию. 3 июля 1941 г. всем отделам Генштаба ОКХ и ОКВ за № 430/41 было разослано указание начать штабную разработку военных операций на период после реализации плана «Барбаросса». Задача выхода к границе Индии возлагалась на так называемое «соединение Ф» – моторизованный корпус под командованием генерала Фельми, который формировался в Греции и специально оснащался для действий в субтропических и тропических условиях. Был также установлен срок для создания базы для операции в Афганистане – сентябрь 1941 г.⁵⁵

Новые вводные определили приоритеты практической деятельности ведомств И. Риббентропа и Ф. Канариса на афганском направлении. По указанию Берлина германский посол в Кабуле Г. Пильгер в беседах с премьер-министром Афганистана М. Хашим-ханом стал настойчиво предлагать афганцам начать активные действия по воссоединению с Афганистаном пуштунских племен, проживавших в Северо-Западной пограничной провинции Британской Индии. В окружении немецкого посла также поговаривали, что Германия готова оказать содействие афганскому правительству в расширении его территории за счет Британской Индии в Белуджистане, создав тем самым «афганский коридор» с выходом к морскому побережью⁵⁶.

В этой связи полпредство СССР в Кабуле информировало Центр, что под влиянием немецких внушений афганское правительство стало обсуждать, правда в своем узком кругу, план воссоединения с Афганистаном территории индийской полосы независимых пуштунских племен, отторгнутых у Афганистана в 1893 г. англичанами. Реализация этого плана, как сообщал советский посол, ставилась в связь с успехами фашистской Германии на европейском театре военных действий⁵⁷.

В этих условиях кабульские власти стремились по-новому выстроить свои отношения с Великобританией по вопросу пуштунских племен, проживавших в полосе границы Афганистана и Британской Индии. С одной стороны, в апреле 1940 г. афганское правительство пошло на создание англо-афганской комиссии для координации совместных действий в отношении приграничных племен. С другой стороны, под влиянием немцев в декабре 1940 г. афганское руководство впервые поставило перед Англией вопрос о предоставлении Афганистану свободного прохода к морю. В свою очередь Берлин, стремясь обеспечить рост прогерманских настроений среди членов афганского правительства, в начале 1941 г. впервые официально выразил свою готовность обсудить территориальные претензии Афганистана к Великобритании. 12 марта 1941 г. И. Риббентроп выразил свое согласие признать «новую» афганскую границу по реке Инд, но при условии благоприятного для Германии развития событий в полосе племен.

Именно такая благоприятная для германской военщины обстановка складывалась в полосе индо-афганской границы. Несмотря на то, что англичане сконцентрировали в Северо-Западной пограничной провинции Индии мощную военную группировку, насчитывавшую свыше 500 тыс. человек с танками и самолетами, число антибританских выступлений племенных объединений афридиев, вазиров, момандов, шинвари и т. д., численность которых в общей

сложности составляла почти 4 млн человек, ни в коей мере не сокращалось. В Вазиристане восстание пуштунских племен приобрело перманентный характер и поставило под угрозу сам факт колониального владычества англичан в этом районе Британской Индии⁵⁸.

Операция «Аманулла» получила второе дыхание в связи с тайной переброской из Кабула в Берлин весной 1941 г. одного из лидеров национально-освободительного движения Индии С.Ч. Боса – основателя политического объединения «Форвард Блок». В своей пропагандистской деятельности он ратовал за вооруженный путь борьбы за достижение независимости Индии при опоре на союз с любым иностранным государством, в том числе и с фашистской Германией.

Индийский лидер предложил свои услуги Берлину для проведения совместных операций в Афганистане и в зоне независимых пуштунских племен. С.Ч. Бос приветствовал планы немецкой военной разведки использовать Амануллу-хана в качестве короля-символа для мобилизации пуштунов по обе стороны индо-афганской границы в борьбе против британского владычества. Он также выразил готовность передать на связь с немцами ячейки своей организации, действовавшие в Северо-Западной пограничной провинции. Последнее предложение для немцев было особенно ценным, но это было делом будущего. В рассматриваемый период немецкая агентурная сеть в Афганистане не покрывала полосу пуштунских племен в зоне индо-афганской границы. Для организации всеобщего восстания пуштунов против английских колонизаторов и осуществления блицкрига на афганском плацдарме было необходимо создать разветвленную агентурно-диверсионную сеть абвера и обеспечить координацию действий немецкой разведки с лидерами антианглийского повстанческого движения пуштунских племен. Однако у немцев на это не было ни времени, ни достаточных сил. В конечном итоге выход был найден. Немцы предприняли попытки воспользоваться агентурной сетью в полосе племен, созданной итальянцами на рубеже 20—30-х гг. XX в. при содействии амануллистов. 13 мая 1941 г. проблема сотрудничества Германии и Италии в Вазиристане в связи с восстанием пуштунских племен обсуждалась на встрече Б. Муссолини и И. Риббентропа. В июне 1941 г. в оперативном порядке абвер и итальянская разведка заключили теперь уже с Амануллой соглашение о содействии в организации всеобщего восстания пограничных пуштунов против английского колониального владычества. Интересный факт: до начала Великой Отечественной войны объединенным усилиям спецслужб держав Оси противостояла советская резидентура в Кабуле, состоявшая из 5 кадровых разведчиков с агентурным аппаратом 15 человек⁵⁹.

В канун нападения фашистской Германии на Советский Союз заканчивались последние приготовления немецкой разведки к переброске разведывательно-диверсионных групп абвера в полосу индо-афганской границы. В мае 1941 г. служба Ф. Канариса укрепила кадровый состав германской резидентуры в Кабуле. Ее руководителем стал кадровый сотрудник абвера Р. Расмус (агентурный псевдоним – Карлмай). В посольстве Германии в Афганистане он был формально утвержден в должности коммерческого атташе. Одновременно с Расмусом в Кабул в его непосредственное подчинение были направлены старший лейтенант абвера Витцель (агентурный псевдоним – Патан) на должность референта миссии, а также сотрудники абвера радист Дох (агентурный псевдоним – Рахад) и шифровальщик А. Цугенбюллер (агентурный псевдоним – Гиссен), получившие для прикрытия соответственно должности помощника заведующего канцелярией германской миссии и помощника коммерческого атташе. Присвоение агентурных псевдонимов этим новым сотрудникам абвера в Афганистане свидетельствовало о том, что руководство немецкой военной разведки планировало использовать этих агентов не только для работы под крышей германского посольства в Кабуле, но и не исключало возможности их деятельности и в полевых условиях.

Для непосредственной организации немецкой агентурной сети и диверсионных операций в полосе племен под кодовым названием «Пожиратель огня» в Кабул прибыли два немец-

ких агента из полка «Бранденбург»: профессор медицины, специалист по борьбе с проказой М. Обердорффер – старший лейтенант абвера и энтомолог Ф. Брандт. Планировалось переправить этих диверсантов в Вазиристан, снабдив их большими суммами денег и оружием. Переброска в Афганистан немецких боеприпасов и вооружения общим весом в несколько тонн дипломатической почтой уже была осуществлена агентом абвера Венгером, работавшим в Афганистане представителем организации Тодта. Для доставки последней партии военного груза, включая коротковолновые передатчики, по территории Турции, Ирана и Афганистана был организован автопробег якобы для рекламы и испытаний машин новой модели «Фольксваген». В июне 1941 г. служба абвера в Кабуле доложила своему руководству о готовности к проведению операции «Пожиратель огня». 24 июня 1941 г., т. е. через 2 дня после вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз, из Берлина в германское посольство в Кабуле поступил приказ приступить к активным мероприятиям по дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в индо-афганском пограничье и в регионе в целом. По замыслу гитлеровского командования «молниеносная война» против СССР, развернутая на Западе от Баренцева до Черного морей, должна была определить сроки блицкрига и на Востоке, в том числе и на афганском направлении.

¹ Телеграмма из посольства СССР в Афганистане от 21 июня 1934 г. в адрес НКВД СССР. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф. 059, оп. 1, пор. № 1275, п. 168, л. 166.

² Демьяненко А.П. Советский Союз и крах гитлеровской политики в Афганистане // Народы Азии и Африки: журнал. 1985. № 2. С. 21; телеграмма из посольства СССР в Афганистане от 21 августа 1942 г. в адрес НКВД СССР. Кабул. Входящие телеграммы, полученные в Куйбышеве за 1942 г. Особый архив НКВД СССР, д. 21, инвент. № 2517, п. 370, т. 2, л. 171.

³ Запись беседы! советника полномочного представительства СССР в Иране с послом Афганистана в Иране Ахмед-ханом 26 августа 1936 г. // Документы внешней политики СССР (ДВП). М., 1974. Т. XIX. С. 406–407.

⁴ Телеграмма из посольства СССР в Афганистане от 28 февраля 1937 г. в адрес НКВД СССР. АВП РФ, ф. 059, оп. 1, пор. № 1751, п. 249, д. 1751, л. 60.

⁵ Телеграмма из посольства СССР в Афганистане в адрес НКВД СССР от 4 сентября 1938 г. АВП РФ, ф. 059, оп. 1, пор. 1912, п. 275, т. 2, л. 71–72.

⁶ Справка «Немцы в Афганистане», составленная по материалам советской резидентуры в Кабуле от 20 мая 1942 г. С. 13–15 // Рассекречено. Служба внешней разведки РФ – 10.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.